

Восприятие и стратегии реагирования сельского населения России во время голода¹

Для российского крестьянства голод был старинным и жестоким врагом. Всего за период с начала XI—XX вв. на европейской части России зафиксировано свыше 350 голодных лет². Особенно сильным голод в России стал со второй половины XIX века, когда страна вступила в стадию индустриальной модернизации, революций и войн. В рассматриваемый период Россию потрясли четыре сильнейших голода (1891—1992, 1921—1922, 1932—1933, 1946—1947 гг.). Причинами голода в России в предшествующий индустриальной модернизации период были, как правило, засухи, порождавшие недород зерновых хлебов, а также усугублявшие их войны (особенно в XVII—XVIII вв.). С конца XIX века ситуация изменилась. На первый план выходят причины субъективного характера — политика коммерциализации сельского хозяйства царского самодержавия, а затем аграрной политики советской власти («военно-коммунистической» в годы гражданской войны, насильственной коллективизации в годы «сталинской революции сверху»), мировые войны 1914—1918 и 1941—1945 гг., подрывавшие сельское хозяйство России. Они совпадают с поражавшими зерновые районы страны засухами, усугубляют их и без того негативное влияние на урожаи зерновых культур. В результате голод приобретает огромные масштабы, а его жертвами становятся миллионы крестьян и десятки тысяч жителей городов (особенно в 1921—1922 гг., 1932—1933 гг.)³.

В драматической ситуации перманентного недоедания и голода крестьянское население России в течение многих столетий научилось приспособливаться к нему, выработало свое восприятие голода, стратегию выживания, устойчивые поведенческие стереотипы в условиях голода. Они не всегда гуманны, но глубоко рациональны, так как направлены на выживание крестьянской семьи, сохранение наиболее дееспособных ее членов, способных к продолжению хозяйственной деятельности. Тезисно охарактеризуем их.

Многочисленные источники убедительно свидетельствуют, что в крестьянском менталитете понятие «голод» занимало важнейшее место. Принцип «главное — выжить», избежать голод стал основой хозяйственной деятельности каждой крестьянской семьи России на протяжении всей ее многовековой истории.

* © Кондрашин В.В., 2011

Прежде всего, страх перед голодом сформировал многие поведенческие стереотипы российских крестьян. Так, например, в условиях постоянной угрозы неурожая крестьяне всеми силами стремились обеспечить устойчивость своего хозяйства. С этой целью они изучали особенности погодных условий в местности своего проживания, пытались их прогнозировать. В результате горький опыт неурожайных лет отложился в крестьянском земледельческом календаре. В нем были записаны почти каждый день в году и почти каждый час в течение дня, объяснено появление каждого облака, дождя, снега, их свойства, вид. Использование земледельческого календаря позволило проводить сельскохозяйственные работы исходя из агроклиматических условий каждой конкретной местности. Это снижало вероятность неурожая и ослабляло, таким образом, угрозу голода. Вплоть до создания колхозного строя крестьянская Россия пахала, сеяла и убирала хлеб, основываясь на земледельческом опыте предков⁴.

Но знание природных примет и трудолюбие не всегда могли оградить крестьянские посевы от недорода, поскольку силы природы все же были неподвластны крестьянину. Нередко засуха иссушала его ниву, буквально политую потом, и крестьянские семьи оставались без хлеба. Поэтому в крестьянском сознании сформировалось устойчивое представление о том, что могущество природы связано с божественной силой. Именно от воли Бога зависит, будет обильный урожай на полях или на них падет засуха и обрушатся полчища саранчи и грызунов. «Прогневали Бога, видно, за грехи наши», — говорили в русских деревнях во время засухи. «Господь захочет, так хлеб уродится и при поздней пахоте», — утверждали старожилы. Крестьянин обращался к Богу, сверхъестественным силам и духам природы с просьбами об урожае, надеясь умиловить их молитвами, заклинаниями, жертвоприношениями и таким образом избежать недорода и голода. Этому служили ставшие традиционными в жизни российской деревни аграрные праздники, календарные песни, заказные молебны о дожде во время засухи, обрядовые игрища и увеселения. Их традиция сохранилась и в советское время, несмотря на активную богоборческую политику власти²¹.

О крестьянском восприятии голода наиболее объективное представление дает народный фольклор — зеркало крестьянского менталитета. Народ сложил немало пословиц и поговорок о голоде. В крестьянском сознании голод ассоциировался с тяжелейшим потрясением, рассматривался как одно из самых трагических событий в жизни человека. Ему придавалось мистическое значение: «Царь-голод», то есть всемогущий и беспощадный. В то же время в народных пословицах и поговорках не было панического страха перед голодом, скорее присутствовали бестрашие и лукавство: «Голод не тетка, заставит работать», «Голодной куме хлеб на уме», «Голодный праздник не считает». Народный фольклор досоветского периода российской истории связывал голод с бедно-

стью крестьянства, ее широким распространением в дореволюционной России: «Работаешь в год – нечего класть в рот», «Ребята! Бери счета – пойдем считать, сколько нищеты». В народных пословицах и поговорках доказывалась необходимость трудолюбия как главного средства обеспечения материального благополучия крестьянской семьи: «Наездом хлеба не напашешь», «Деньги водом, добрые люди родом, а урожай хлеба годом», «Иглою да бороной деревня стоит»⁵.

Несколько по-иному в народном фольклоре отражены голодные годы советского времени, особенно голода 1932–1933 гг. Этот голод оставил самый яркий след в памяти советских крестьян. Он стал для них символом советского голода и, наряду с раскулачиванием, главным символом сталинской коллективизации. В собранных нами пословицах, поговорках, слухах поволжских и южноуральских крестьян на тему голода 1932–1933 гг.⁶ этот голод воспринимался как страшная трагедия: «В тридцать третьем году всю поели лебеду. Руки, ноги опухали, умирали на ходу»⁷.

В то же время в народном сознании его наступление не ассоциировалось, как это было в предшествующие годы, с природными катаклизмами и войнами. Для советских крестьян это был совершенно новый голод с точки зрения его причин. Они однозначно связывались с насильственно созданным в России колхозным строем: «Не боюсь я морозу, не боюсь холоду, а боюсь я колхоза, уморят там с голоду». Именно для укрепления колхозов и нужен был сталинскому режиму голод. В поволжской деревне в 1933 году ходила молва, что голод искусственно организовал председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, чтобы приучить крестьян к колхозам. Подобно тому, как известный русский дрессировщик Дуров голодом приучал животных к повиновению, не кормил их, а потом они за кусок сахара делали все, что ему хотелось, так и Калинин решил колхозников приучить к колхозам голодом. Когда они перенесут голод, то уже навсегда привыкнут к колхозам, будут лучше там работать и ценить колхозную жизнь»⁸.

В народном фольклоре прочно укоренилась идея об ответственности сталинского руководства СССР и лично И.В. Сталина за голод 1932–1933 гг., а также последующие голодные годы: «Вставай, Ленин, умри, Сталин, мы в колхозе жить не станем», «Когда Ленин жил, нас кормили. Когда Сталин поступил, нас голодом морили»⁹. Опрошенные нами старожилы поволжских и южноуральских деревень говорили, что Сталин специально организовал голод с целью выкачки из населения золота для нужд индустриализации, снабжения городов и Красной Армии. Вот лишь некоторые записанные автором поговорки крестьян на эту тему: «Рожь, пшеницу отправили за границу, а цыганку, лебеду – колхозникам на еду», «Дранку, барду, кукурузу – Советскому Союзу, а рожь, пшеницу отправили на [...] за границу», «Наша горелка хлебородная. Хлеб отдала – сама голодная». В 1932–1933 гг. в поволжских деревнях ходил слух, что идет «сталинская выкачка золота». Голодовка сделана

для того, чтобы через магазины Торгсина за бесценок, в обмен на продукты питания, выкачать из населения для нужд индустриализации ценные вещи: золото, серебро и другие. Само слово «Торгсин» расшифровывалось следующим образом: «Товарищи! Опомнитесь! Россия гибнет! Сталин истребляет народ!»¹⁰

Опыт многих поколений сформировал у российских крестьян определенную стратегию выживания во время голода. Так, например, страх перед голодом и его трагические уроки были важнейшим мотивом консолидации крестьян в рамках традиционной крестьянской поземельной общины. В течение столетий, в условиях налогового гнета государства, помещичьей кабалы, община обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов, удерживала массу крестьянских хозяйств от быстрого разорения. Бедняк и средний крестьянин могли существовать, лишь ухватившись за общину. Особенно очевидным это стало во второй половине XIX века, когда в результате развития рыночных отношений начался кризис натурально-потребительского, продовольственного крестьянского хозяйства и, соответственно, усилилась угроза голода. По оценке специалистов, в Европейской России в конце XIX века больше половины всех крестьянских хозяйств своей земледельческой деятельностью не могли заработать необходимых средств пропитания. В то же время они были вынуждены продавать урожай на рынок. Экспорт русского хлеба основывался на голодании миллионов крестьянских семей и справедливо назывался современниками «голодным экспортом». В условиях малоземелья, обострявшегося в связи с ростом численности крестьянского населения при сохранении архаичных орудий труда, все большего истощения почвы, вынужденного отчуждения хлеба на рынок, система коллективной безопасности в русской поземельной общине была пусть слабой, но все же гарантией для среднего и беднейшего крестьянина на случай голода. Так, например, система земельных переделов общинной земли при существовавшем малоземелье позволяла распределять землю по качеству, чересполосно, а не сводить ее в одну полосу, в отруб. Это давало возможность обеспечить за каждым двором ежегодный средний урожай, так как в засушливый год участок, расположенный в низине, мог дать вполне сносный урожай, в то время как участки, сведенные в отруб, расположенные на пригорке, могли полностью выгореть¹¹.

Моральная организация крестьянской общины гарантировала для ее членов систему взаимоподдержки в случае голодного бедствия или других обстоятельств, обусловивших тяжелое материальное положение крестьянина. Общественным мнением было освящено выживание слабейших в экономическом отношении семей. Во время голода члены общины сообща искали пути выхода из голодного кризиса (например, посылали на лучших лошадях за семенами, направляли ходоков в различные инстанции просить помощи и т.д.)¹².

Многовековая традиция крестьянской взаимопомощи сохранялась даже в условиях «раскрестьянивания» деревни в результате развития рыночных отношений. Выделившиеся из общины богатые крестьяне, так называемые «кулаки», замещали собой прежних помещиков, которые в дореформенный период, согласно законам Российской империи, обязаны были помогать своим крепостным в неурожайные годы¹³. Причем для односельчан «кулак» не был столь одиозной фигурой, какой станет изображать его советская пропаганда. В деревне знали, что любой трудоспособный бедняк при должном трудолюбии всегда сможет выбиться в середняки и крепкие хозяева. В повседневной жизни российского крестьянства в доколхозный период «кулак», или, точнее сказать, зажиточный, хозяйственный хлебороб, был не столько «мироедом», сколько гарантом для бедняка на случай голода. К нему он всегда мог обратиться за помощью, чтобы дотянуть до нового урожая и в большинстве случаев получал ее.

Например, в голодные 1921–1922, 1924–1925 гг., по выявленным нами в архивах свидетельствам бедняков, их семьи не погибли от голода лишь благодаря помощи «кулака». Причем эта помощь была оказана им в самые тяжелые зимние месяцы, когда еще не развернули свою работу государственные органы (Комитеты крестьянской общественной взаимопомощи и т. д.)¹⁴. О том, что богатые крестьяне – «кулаки» помогали бедным вопреки насаждаемому большевиками стереотипу о них как о безжалостных эксплуататорах свидетельствует еще один интересный факт. Весной 1925 г. в Таганрогском районе Северного Кавказа секретарь райкома партии выступил в защиту местного мельника Бугрова, подвергнувшегося репрессиям. Главным его аргументом был следующий: «Беднейшее население деревень, нуждающееся, всегда получало помощь с мельницы Бугрова в голодный 1921 год, и многие обязаны своей жизнью Бугрову, так как последний весьма сочувственно относился к голодающим»¹⁵.

Помогать бедным во время голода считалось христианской обязанностью в староверческих общинах русских крестьян. «Если придет бедняк ко мне и попросит у меня мешок муки или быков, то я ему и без ККОВ (крестьянский комитет взаимопомощи. – В.К.) никогда не откажу», – говорил, например, один из зажиточных хлеборобов–староверов Дона¹⁶.

Значение фигуры «кулака» для российского крестьянина как одной из опор в условиях голода стало особенно очевидным в годы насильственной коллективизации и голода 1932–1933 гг. В результате раскулачивания сталинский режим разрушил этот традиционный элемент системы выживания крестьян России в голодное время. «Раньше каждый кулак набирал на полку десятки людей и хотя издевался над ними в работе, но все же варил крутую кашу со старым свиным салом и платил по 80 копеек в день. На эти деньги можно было пуд хлеба купить», –

с нескрываемой ностальгией вспоминала одна из колхозниц Северо-Кавказского края в голодном 1933 году. «Теперь же за 400–500 грамм хлеба в день отдаешь свой труд, даже корову, и ничего не получаешь», – заключала она¹⁷.

Веками проверенной традицией спасения во время голода была стихийная миграция крестьян из охваченных бедствием регионов в более благополучные. В неурожайные годы крестьяне России всегда могли покинуть зону бедствия, уйти на заработки или просто найти более безопасное место и выждать время. Причем время ухода зависело от интенсивности протекания голода в крестьянской семье, а также пола крестьянина. В условиях недорода трудоспособные крестьяне стремились уйти из селения в момент начала уборочной страды, чтобы успеть наняться на сельхозработы в благополучных районах. Кроме того, они уходили на заработки в города, на промышленные предприятия. Как правило, в первую очередь деревню покидали одинокие мужчины, но иногда уезжали и целыми семьями¹⁸. Стихийное движение крестьян из голодающих районов приобретало массовый характер, когда они понимали, что им не придется рассчитывать на помощь государства в самый тяжелый момент. Именно так было, например, в 1922 году, когда крестьяне, «дабы спастись от голодной смерти», при отсутствии фуража для скота бросали недвижимое имущество и массами уходили из деревень. По свидетельствам крестьян, переживших голод, именно бегство многих из них в самый пик голода позволило им сохранить жизни.

Стихийная миграция голодающих из эпицентра бедствия в менее пораженные районы значительно увеличивала их шансы на спасение и потому, что в этих районах они не только находили работу, но и могли жить «на подножном корму» в лесах, собирая дикие растения и охотясь на диких животных. Кроме того, они могли рассчитывать на великодушие чужих, незнакомых им людей, поскольку последние находились в лучших материальных условиях, чем их соседи в зоне голода, и поэтому были менее склонны немилосердно реагировать на их просьбы о куске хлеба и работе. Чтобы выжить, они (особенно женщины, старики и малолетние дети) вынуждены были заниматься нищенством. Нищелюбие – это характерная для России традиция, имеющая глубокие христианские корни. Также она основана на моральных принципах крестьянской общины, где, как уже отмечалось нами, помощь слабому и попавшему в беду человеку была первейшей обязанностью всех ее членов¹⁹.

Показательным в этом плане являются свидетельства смоленского помещика Н. Энгельгарда. Он писал, что голодающие крестьяне Смоленской губернии в условиях голода всегда спасали свои жизни с помощью побирательства, хождения по дворам с просьбой о корке хлеба. И, как с удивлением отмечал он, крестьяне подавали просителям, несмотря на собственную крайнюю нужду, поскольку прекрасно понима-

ли, что сами также могут оказаться на их месте через несколько дней. В результате они предотвращали гибель от голода просящих подавание в самый тяжелый для них момент, хотя, конечно, не решали проблему в целом²⁰.

Принципиально иной ситуация стала в Советской России во время голода 1932–1933 гг. В начальной его стадии крестьяне могли беспрепятственно покидать голодающие районы страны. Например, только по официальным данным, в первой половине 1932 года из охваченных голодом зерновых регионов СССР ушло в город 2654,5 тыс. человек. Именно по этой причине число жертв голода в советской деревне в 1932 году оказалось не столь значительным. Но все изменилось в начале 1933 года, когда сталинское руководство, чтобы сохранить колхозный строй и закрепить в основных зерновых районах СССР сельское население, приняло драконовские меры против крестьянской миграции. Директивами Политбюро ЦК ВКП(б) от 22 января и 16 февраля 1933 года она была запрещена на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге. Фактически была установлена блокада этих районов страны. В результате именно они, наряду с Казахстаном, стали главными эпицентрами сталинского голодомора в первой половине 1933 года²¹.

В голодное время крестьяне России реагировали на голод и посредством мобилизации всех внутренних ресурсов семьи. Традиционным средством ее выживания в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря, а также использование возможностей крестьянского подворья. В первую очередь продавали или пускали на еду рабочий скот, оставляя корову как последнюю надежду на спасение. «У кого была корова, тот и остался жив», – вспоминали пережившие голод крестьяне²².

Сохранению жизни членов крестьянской семьи во время голода способствовали возможности личного подворья (сада, огорода). Кроме того, в условиях дефицита хлеба земледельцы использовали возможности собирательства. Как правило, ранним утром женщины и дети отправлялись в ближайшие леса на сбор различных трав, грибов и ягод. Дары природы не устранили голод, но снижали его остроту и предотвращали голодную смертность²³.

Столетиями переживаемые крестьянами России голодовки выработали у них ряд поведенческих стереотипов, направленных на сохранение трудоспособных членов семьи как ее основного ядра. При этом некоторые из них были весьма жестоки и антигуманны. Но цель их была одна – сохранить основу крестьянской семьи. Например, в многодетных семьях наблюдались случаи, когда родители были вынуждены специально не кормить часть детей, чтобы спасти жизни остальных. Их запирали в чуланы, погреба, амбары. Отчаявшиеся спасти своих малолетних детей матери приносили их в город, районный или уездный центры и оставляли на пороге детских приютов, богаделен, у цер-

вей, на вокзалах, базарах с запиской, как правило, указывающей на возраст и имя ребенка. В числе первых жертв голода, вместе с малолетними детьми, оказывались старики. Причем нередко они осознанно сокращали положенный им и без того скудный рацион питания, чтобы поддержать остальных членов семьи. Они старались меньше выходить к столу, иногда просто прекращали есть, уходили из дома и умирали. Именно так закончил свою жизнь в 1933 году родной дед известного советского писателя М.Н. Алексеева в селе Монастырском Баландинского района Нижне-Волжского края²⁴.

Внутри крестьянской семьи наибольшие потери от голода среди трудоспособных ее членов несла мужская часть. Происходило это потому, что на мужчин падала основная тяжесть заботы о спасении голодающей семьи. Именно мужчины в первую очередь во время голода искали работу и за мизерную пайку хлеба работали из последних сил. От заработанных продуктов обычно им доставалась меньшая часть, так как остальное они отдавали своей семье. Женщины же, как вспоминали очевидцы голода, больше находились дома — «у печки» и тем самым имели больше шансов выжить, чем их истощенные голодом мужья и братья, работавшие в поле. Особенно это правило действовало во время сталинского голода 1932 — 33 гг. на Украине, Северном Кавказе и Нижней Волге, когда в условиях запрета ухода из колхоза мужчины-колхозники были вынуждены работать там целый день за суррогатную пайку хлеба и стакан зерна²⁵.

Следует подчеркнуть, что именно голод 1932–1933 гг. не вписывается в традиционную схему поведения крестьян России во время голода, поскольку резко отличается от всех предшествующих ему голодных лет в истории страны. Применительно к рассматриваемой проблеме главное его отличие заключается в разрушении действующей властью сложившейся веками системы выживания крестьян в условиях голодного бедствия. Наряду с устранением «кулака» из деревенской жизни, борьбой со стихийной миграцией, сталинской аграрной политикой были подорваны и другие ее важнейшие элементы. Например, принудительной конфискации в ходе хлебозаготовок 1932 года подверглись не только хлебные запасы деревни, но и другие съестные продукты крестьянской семьи (картошка, соленья, варенье и т. д.). В результате непродуманной процедуры обобществления личного скота крестьянские семьи лишились рабочего и молочного скота (коров). Это поставило их в крайне тяжелое положение в 1933 году²⁶.

В 1932–1933 гг. совершенно иначе выглядела реакция власти на наступивший в стране по ее вине голод. В предшествующие голодные годы российская власть признавала факт голода (хотя, как правило, с опозданием. — *В.К.*), стремилась оказать посильную помощь голодающему крестьянству (отсрочка платежей по налоговым недоимкам, сбор правительственными органами и общественностью средств для голода-

юших, создание в деревнях «запасных хлебных магазинов» на случай недорода и т. д.). И крестьяне привыкли к такому поведению власти во время голода. Они всегда надеялись на ее помощь в случае его повторения и воспринимали ее как должное²⁷.

Во время голода 1932–1933 гг. ситуация сложилась принципиально иной, и ее восприятие сельским населением России, так же как и его поведение во время бедствия значительно отличались от предшествующих голодных лет в истории страны. Сталинский режим не только замолчал факт голода, но и обвинил крестьян в развале сельского хозяйства страны²⁸. Совершенно по-другому выглядела так называемая «помощь» государства голодающей деревне в 1933 году. Крестьяне не считали ее таковой, поскольку ее размеры оказались несопоставимыми с масштабами бедствия, выдана она была слишком поздно и в первую очередь только работающим в поле колхозникам, а не всем голодающим, как это было в прежние голодные годы в истории России, в том числе во время ленинского голода 1921–1922 гг.²⁹

По сравнению с предшествующими голодовками в 1932 году в советской деревне массовым явлением стало воровство колхозного урожая, в том числе и до момента его созревания, что заставило И.В. Сталина собственноручно написать текст «закона о пяти колосках», предусматривающего расстрел пойманных «воров». В голодающей советской деревне стали расстреливать крестьян по этому «закону»³⁰. Ничего подобного не было раньше, даже во времена «Великой смуты» начала XVII века. Произошло это потому, что в результате коллективизации крестьяне перестали быть хозяевами на своей земле, а следовательно, и ее урожая. Сталинская власть сделала их ворами, поскольку не оставила им другого выбора своей авантюрной политикой хлебозаготовок «по принципу продрозверстки». Они вынуждены были воровать выращенный их руками хлеб, чтобы спастись от голодной смерти.

В конечном итоге, как уже отмечалось нами, подавляющая масса советского крестьянства восприняла голод 1932–1933 гг. как следствие аграрной политики сталинского режима, а не других традиционных причин голода в России (недород, войны). Утвердившийся с его помощью колхозный строй они назвали «вторым крепостным правом большевиков» (крестьянская расшифровка аббревиатуры ВКП(б). – *В.К.*). В дальнейшем именно действия власти будут в сознании советских крестьян главной причиной их бедственного положения и полуголодного существования (известная поговорка «работать за палочки» в колхозе. – *В.К.*). Последствием такого восприятия советского голода станет новая стратегия выживания колхозного крестьянства России – апатия, безразличное отношение к сельскохозяйственному труду, работа из-под палки в колхозах, ставка на личное хозяйство как основной источник существования крестьянской семьи³¹.

Примечания

¹ Эта статья является текстом доклада, сделанного автором 25 ноября 2010 года на международной конференции «Голод и эпидемии в России и в СССР в 1891–1947 гг.: Региональные, этнические и конфессиональные аспекты», организованной Научной комиссией по изучению немцев из России и в СНГ Народного университета Мариашпринг (Бовенден близ г. Геттинген).

² Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): энциклопедия: в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 530.

³ Он же. Три советских голода // Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XIX вв. Проблемы источников и историографии: история и современность. Часть 2. Оренбург, 2007. С. 299–312.

⁴ Он же. Голод в крестьянском менталитете // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1995. С. 116.

⁵ См.: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В.И. Даля. М., 1987. С. 576–579, 582, 622, 624, 627, 628.

⁶ В 1988 – 1990 гг. автором настоящей статьи были записаны воспоминания свидетелей голода 1932–1933 гг. в 102 деревнях РСФСР (см.: Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 488–506)

⁷ Там же. С. 511.

⁸ Там же. С. 512.

⁹ Там же. С. 511, 514.

¹⁰ Там же. С. 514.

¹¹ Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 531–532.

¹² См.: Кондрашин В.В. Голод в крестьянском менталитете. С. 118–119.

¹³ Он же. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 532–533.

¹⁴ Кондрашин В., Пеннер В. Голод: 1932–1933 гг. в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). Самара; Пенза: СГУ; ПГПУ, 2002. С. 244.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 112. Оп. 29. Д. 1. Л. 102.

¹⁸ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 219.

¹⁹ Он же. Статья В.О. Ключевского «Добрые люди древней Руси»: о благотворительности в истории России // В.О. Ключевский и современность (Тезисы докладов на Всесоюзных научных чтениях, посвященных 150-летию со дня рождения выдающегося историка). Пенза, 1991. С. 93–95.

²⁰ См.: Энгельгард А.Н. Из деревни. 12 писем, 1872–87. М., 1960. С. 114–116.

²¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Российской Федерации (РСФСР) // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. М.: Фонд содействия актуальным историческим исследованиям «Историческая память», 2010. № 1. С. 14–19.

- ²² Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 212.
²³ Там же. С. 214–215.
²⁴ См.: Алексеев М.Н. Драчуны // Роман-газета. 1982. № 10–11. С. 110.
²⁵ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 234.
²⁶ Там же. С. 214.
²⁷ Кондрашин В.В. Голод // Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.). С. 532–533.
²⁸ Он же. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 249–265.
²⁹ Там же. С. 198–200.
³⁰ Там же. С. 141–142; Поволжская правда. 1932. 16 октября.
³¹ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. С. 303–317.

*С.А. Есиков, М.М. Есикова**

Крестьянский труд и аграрная культура

Сам факт, что крестьянин живет и трудится на земле, в непосредственном взаимодействии с природой, послужил предметом множества философских концепций, поэтических произведений, художественных стилей и т. д. Еще в эпоху Возрождения философы и поэты писали о гармонии человека со средой обитания, о любви сельского жителя к пашне, хлебному колосу, всему живому. Создавалось впечатление, что эти качества, близкие тому, что ныне называют «экологическим сознанием», якобы присущи крестьянину «по определению», уже в силу специфики земледельческого труда и жизни «на лоне природы» и составляют его коренное отличие от представителей других общественных слоев.

В действительности такой взгляд является упрощенным. Формирование образа природы и отношения к ней в сознании крестьянства опосредовано социальными и культурными факторами и не должно рассматриваться как прямое следствие его трудовой деятельности. Многочисленные исследования свидетельствуют, что в крестьянской массе преобладает не романтическое или эстетическое, но прагматическое отношение к природе как предмету нелегкого труда, источнику средств к существованию. Подтверждение этого положения можно найти немало. Так, в материалах Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева корреспонденты отмечали, что у крестьян «отношение к природе потребительское. Природа, считают крестьяне, нужна затем, чтобы добыть хлеб, корма для скотины и т. п. Иных, поэтических чувств не пробуждается, и потому описания красот природы крестьянина не тро-

* © Есиков С.А., Есикова М.М., 2011